

Я имею в виду следующее, одной из основ политики как строя является замещение должностей по жребию, олигархии □ - по избранию.

Аристотель. Политика

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам - аристократии.

Шарль-Луи Монтескьё. О духе законов

Сегодня выборы воспринимаются безальтернативным способом избрания представителей (или депутатов) в представительных демократиях. При этом наблюдатели часто отмечают снижение интереса к выборам со стороны представляемых или избирателей. Свидетельством тому является низкая явка на выборах, уверенность в том, что отдельно взятый голос не может ничего изменить. Часто можно услышать, что власти предрержащие преследуют свои собственные интересы, имеющие мало общего с интересами народа. Политическая элита в сознании рядового избирателя Украины выступает изолированной от него группой. Простому человеку вход во власть как минимум ограничен, если не полностью закрыт. И при ближайшем рассмотрении оказывается, что во властных структурах, как правило, циркулируют одни и те же люди. У рядовых граждан такое положение вещей вполне ожидаемо вызывает апатию и недовольство властью и, вполне возможно, содействует утере гражданской ответственности за происходящее рядом с ними (во дворе, районе, городе). Вопрос расширения участия в общественной жизни является одним из ключевых в современных дискуссиях о демократии. Не последнее место в нем отводится институциональным механизмам, которые и отвечают за участие граждан в управлении. **Данная статья посвящена использованию жеребьевки как процедуры назначения на должности, отказ от которой произошел в современных демократиях, провозгласивших принцип широкого участия народа в управлении. Воспроизводя и описывая примеры использования жребия, мы постараемся показать преимущества этого способа наделения властными полномочиями для современных псевдодемократий.**

Одно из основных отличий современных так называемых демократий от античных и средневековых республик состоит в практически полном отсутствии жребия. Сегодня использование жребия в политике, особенно при назначении на должности, действительно может показаться странным или даже недальновидным средством. Жребий ведь вполне может дать власть некомпетентным людям, что может привести к плачевным последствиям для всего общества. Но те, кто использовал жребий в политике, а именно греки, римляне и средневековые итальянские республики, также осознавали возможные риски его использования и тем не менее продолжали обращаться к нему как к средству, позволяющему добиться справедливости лучше других способов. Древние были искушенными политиками и, чтобы смягчить возможные негативные последствия использования жребия, вводили средства его коррекции.

Жребий и ротация: исторический опыт

В классическом примере так называемой “прямой демократии” - Древних Афинах - обеспечивалось широкое участие граждан в политике и их доступ к должностям. Одним из основных способов назначения на должности являлась жеребьевка. Большинство функций, которые не принадлежали народному собранию, исполнялись гражданами, избранными по жребию. Это были магистратуры или административные органы города. Примерно шестьсот из семисот магистратов выбирались по жребию. Сегодня практический интерес представляют механизмы коррекции возможных негативных последствий жребия и ограничения власти граждан, ставших управленцами по воле

случая.

Существуют, с точки зрения республиканцев, следующие инструменты коррекции.

Во-первых, это ограничение сроков полномочий магистрата одним годом.

Во-вторых, гражданин не имел права занимать одну и ту же должность два раза подряд, что обеспечивало реализацию важного принципа ротации. Более того, благодаря обязательному требованию предоставления отчета о деятельности на посту, гражданин практически не мог быть магистратом два года подряд. Не предоставив такого отчета, гражданин не мог занять новую должность в другой магистратуре.

В-третьих, перед вступлением на должность граждане проходили обязательную процедуру освидетельствования. Интересно, что в данном случае греки не проявляли большого пиетета перед экспертным знанием. Процедура была направлена лишь на выяснение того, платил ли гражданин налоги, хорошо ли относился к родителям и исполнил ли свой воинской долг.

В-четвертых, деятельность магистратов находилась под постоянным контролем. Любой гражданин мог выдвинуть против магистрата обвинение и потребовать его временного отстранения. После этого, если народное собрание выносило вотум недоверия магистрату, его временно отстраняли от должности, а дело направляли в суд. В итоге суд был уполномочен вынести обвинительный приговор или оправдать магистрата.

Такая система, определенно, препятствовала формированию административной элиты или номенклатуры, то есть слоя управленцев, фактически преследующих во власти свои интересы, часто отличающиеся от интересов большинства граждан. Возможность контроля за деятельностью магистрата и риск быть осужденным за ненадлежащее исполнение своих обязанностей на посту магистрата должны были предотвратить распространение коррупции и преследование клановых интересов. Кроме того, риск

быть осужденным должен был отвратить граждан, чувствующих себя недостаточно компетентными, от претензий на посты магистратов. В остальном же избрание магистратов определялось волей жребия и собственным желанием кандидатов, так как жеребьевка проводилась среди граждан, добровольно выставивших свои кандидатуры на ту или иную должность. Важно подчеркнуть, что основанием избрания становились оценка кандидатами своих способностей и воля случая. Таким образом, можно говорить о ситуации, максимально приближенной к полному равенству возможностей граждан в вопросе доступа к принятию решений, реализации политико-административных функций. Хотя далеко не все решались претендовать на должности из-за сопутствующих рисков публичного контроля и возможного осуждения.

В этой связи можно хорошо увидеть разницу с современной системой выборов должностных лиц. Сегодня выборная псевдодемократическая процедура постоянно вызывает нарекания. Проведение выборов часто связано с манипулированием общественным мнением, а иногда и просто подделыванием результатов. Такое состояние дел, определенно, удалено от понятия справедливости и далеко от равенства возможностей граждан. Более того, от понятия равенства возможностей удаляет современные выборы и следующий их аспект. Выборная процедура заставляет граждан сравнивать кандидатов и своим голосованием выносить решение в отношении их личности и способностей до того, как кандидат успел что-либо сделать на своем посту. Таким образом, успех кандидатов зависит в основном от таких характеристик, как: более привлекательные внешние данные, долгий опыт пребывания в подобных должностях и другие профессиональные качества. Это приводит к тому, что на выборах побеждает определенный тип людей, а иногда и просто одни и те же люди, о чем свидетельствует ряд губернаторских, мэрских и парламентских выборов. При таком ограничении оппозиционные кандидаты, как, впрочем, и более молодые кандидаты, в принципе имеют меньшие возможности для избрания. Хотя, конечно, опыт и профессиональные качества не гарантируют отсутствие серьезных ошибок в будущей деятельности кандидата или злоупотреблений властью, и наоборот, отсутствие опыта пребывания на должностях не является признаком некомпетентности кандидата. В Афинах же жеребьевка при избрании на должности вообще не предполагала вынесения предварительной оценки кандидата. Оценка деятельности производилась или во время ее осуществления, или по окончании срока полномочий. Следовательно, все кандидаты имели равные возможности получить должность.

У греков тем не менее были и выборные должности. На них можно было переизбираться несколько раз, и здесь, конечно, важна была компетенция кандидата. Эти должности были связаны с руководством военными делами и финансами города. Приняв за

гипотезу общую способность человека к приобретению определенных навыков и уровень распространения высшего образования, можно было бы и сегодня, оставив самые важные должности для избрания через процедуру выборов, расширить участие граждан в реализации политических решений путем предоставления более широкого доступа к должностям посредством жеребьевки или номиции. Афинские магистраты, впрочем, не были теми, кто непосредственно принимал решения. Принятие основных решений, касающихся жизни города, принадлежало народному собранию и судам. Именно их волю реализовывали магистраты. По сути, это были городские чиновники или администраторы.

Но магистраты были не единственными должностными лицами, избираемыми по жребию. По жребию также выбирался совет. Каждый «дем» выдвигал кандидатов больше, чем ему принадлежало мест в совете. Затем необходимое число кандидатов от этого дема определялось в результате жеребьевки. Члены совета избирались всего на один год, и никто не мог стать членом совета более двух раз в жизни. Практически совет тоже был магистратурой, но выполнял особые функции. Он готовил повестку дня для народного собрания и обеспечивал исполнение решений, принятых собранием. Подготовка повестки дня и самих решений, как мы знаем из современной практики, является важной политической функцией. Часто городская политика и принятие конкретных решений зависят именно от того, кто выбирает вопросы для обсуждения и готовит проекты их решения. Совет также проводил предварительные встречи с иностранными послами, контролировал государственные финансы и осуществлял другие важные функции, что свидетельствует о его ключевой роли в политической структуре. Таким образом, даже членов такого важного органа государственного управления афиняне избирали по жребию.

По жребию избирались и члены народных судов. Все желающие, достигшие определенного возраста (тридцати лет), выставляли свои кандидатуры для избрания в число судей (гелиастов). Требуемое количество членов (6000) выбиралось в результате жеребьевки. После этого выбранные лица приносили клятву и становились судьями сроком на один год. Перед днем судебных заседаний все желающие из числа избранных могли выставить свою кандидатуру, после чего по жребию из числа желающих выбирались судьи и присяжные. Затем из числа избранных снова по жребию определялось их распределение по конкретным судебным заседаниям. Число присяжных в судах, как и самих судов, могло быть достаточно большим, поэтому и спрос на присяжных был высок, и использование жребия было широко распространено в рутинном функционировании политической машины.

Отметим, что суды в афинской системе играли важную политическую роль посредством рассмотрения исков о незаконности закона или декрета (или их проектов). Иск о незаконности мог быть выдвинут любым гражданином и предъявлялся он автору законопроекта. Если начиналось рассмотрение дела по такому вопросу, то действие закона приостанавливалось. Таким образом, суды фактически осуществляли контроль за деятельностью народного собрания. Политические разбирательства составляли основную часть работы судов, так как уголовные дела и простые споры между индивидами могли рассматриваться другими органами. Суды рассматривали обвинения в плохом управлении, выдвинутые против магистратов. Они же проводили освидетельствование магистратов перед их вступлением в должность. То есть афинский суд играл явно выраженную политическую роль, являлся реально действующей ветвью власти что отличается от сегодняшнего представления о суде как о технической, исключительно правовой структуре, о политическом использовании которой можно только догадываться (особенно судя по размерам взяток судьям в Украине).

Сегодня принято считать, что в силу размера современных государств и невозможности всему населению собираться вместе для принятия законов и решения общих вопросов необходимо избирать представителей народа, которые бы и наделялись правом принимать законы от его имени. В этом смысле современную представительную демократию противопоставляют “прямой” демократии, где вся власть осуществляется непосредственно собранием всех граждан города. Однако при ближайшем рассмотрении античная “прямая” демократия никогда, собственно, не была прямой, так как основывалась на сложной системе институтов, в которой многие ключевые политические функции осуществлялись органами, независимыми от народного собрания. “Прямой” ее можно назвать только в том смысле, что она предоставляла всем желающим равные шансы прямого доступа к власти через разветвленную сеть институтов с различающимися функциями, но не потому, что она была ограничена только общим волеизъявлением прямого действия. Следовательно, сама невозможность собрать всех граждан вместе уже не может служить оправданием введения системы политического представительства и выборов.

Обращаясь к античным авторам, можно заключить, что одной из важнейших черт демократии было предоставление каждому гражданину возможности попеременно править и быть управляемым. Добродетель гражданина заключалась в способности хорошо делать и то и другое. Как писал Аристотель, нельзя хорошо править, не научившись повиноваться. Демократическая свобода, состояла как раз не в том, чтобы

подчиняться только своей воле, а в том, чтобы подчиняться тому, чье место займешь завтра. Отсюда следовало правило ротации должностных лиц, в результате которого каждый гражданин получал шанс занять управленческую позицию. В этом же правиле заключается и механизм научения гражданской ответственности и заботе об общем благе. Гражданин, преследующий на службе свои частные интересы, не может исключить возможности того, что его преемник не будет делать того же самого и не лишит его всех приобретений. Поэтому должностные лица должны были учитывать интересы всего народа. В дополнение к этому должностное лицо имело хорошее представление об интересах управляемых, поскольку еще совсем недавно принадлежало к их числу. Такое положение управляющих и управляемых, их взаимозависимость и взаимозаменяемость не давали возникнуть разрыву, существующему в настоящее время, и делали систему более легитимной и наиболее соответствующей понятию демократической справедливости.

Напомним, что ротация должностных лиц была не просто желаемым условием, а законодательно установленным правилом. Гражданин не мог быть членом совета более двух раз в жизни и не мог быть магистратом два раза подряд. В силу данных ограничений для заполнения большого числа вакантных должностей требовалось привлекать большое количество граждан, еще не участвовавших в управлении. Требование ротации большого количества должностей также делало более подходящим способом избрания жребий. Задача привлечения большинства граждан к управлению и решению проблем всего сообщества и наделения всех равной возможностью доступа к власти оказалась несопоставима с избранием посредством выборов. Выборы неизбежно приводят к тому, что граждане выбирают того кандидата, который им кажется наилучшим по тому или иному показателю (или сразу по нескольким). Следовательно, в результате выборов должности занимают лучшие. Таким образом, процедура выборов способствует формированию самими гражданами политической элиты, которая потом начинает насиловать и ломать собственный народ об колено. Уже на этом уровне ограничивается доступ к власти граждан, которые ничем особенным не выделяются и являются "такими, как все". Затем, свобода избирать, как отмечают многие авторы, означает и свободу переизбирать, что на практике выливается в переизбрание одних и тех же лиц на одни и те же должности. В результате формируется олигархическая структура общества, в котором интересы элиты могут расходиться с интересами рядовых граждан (мы четко сейчас видим это в Украине). В свою очередь, такая ситуация благоприятствует развитию гражданского инфантилизма среди рядовых граждан, полагающихся на мнение властей предержащих в решении общих проблем и возлагающих ответственность в случае неудачи на них же, но при этом не пытающихся что-либо изменить.

Чтобы при выборной системе обеспечить реализацию требования ротации и открытия

максимально широкого доступа к власти, придется накладывать ограничения на свободу выбора путем введения различных вариантов запретов на переизбрание.

Соответственно логически свобода выбора вступает в конфликт с принципом ротации (это общепризнанная проблема выборов). В случае принятия процедуры жеребьевки подобного логического конфликта не возникает. Поскольку жребий не подчиняется индивидуальной воле, то эту волю нельзя и ограничить путем введения ограничений на занятие должностей для обеспечения ротации. Кроме того, для замещения достаточно большого количества должностей более подходит принцип случайности, а не избрание ограниченного количества избранных людей. И если рассматривать службу на благо своего города одной из главных добродетелей гражданина, то жеребьевка, предоставляющая равные шансы максимальному количеству граждан, наиболее соответствует республиканской справедливости.

В правильно организованном обществе жребий также позволяет преодолеть культ профессионализма и экспертизы, который в эпоху стремления к максимальной эффективности нельзя даже ставить под сомнение. Сегодня практически неоспоримым является суждение о том, что любым делом, особенно таким, как государственное управление, должны заниматься профессионалы. Допустим, что на самые ответственные должности, связанные со сложными технологиями или обладанием особыми умениями, приобретаемыми в результате очень долгой практики решения задач определенного рода, стоит привлекать специалистов. Однако настолько ли обязательно это требование, если спуститься на уровень города или даже микрорайона, где сегодня работает так много людей с образованием по другой специальности или людей, получающих соответствующее образование уже во время исполнения должности?

Республиканцы предлагают использовать жребий отчасти из недоверия к профессионализму. Профессионализм может стать (и уже стал) в Украине серьезным препятствием для осуществления власти простыми гражданами. Знания, навыки и ораторские способности уже являются источником авторитета и власти. Поэтому, к примеру, выборы профессиональных магистратов, судей или членов совета могли привести к тому, что эти органы целиком попали бы под их влияние. Демократия же предполагала, что простые граждане, непрофессионалы, будут иметь доступ к осуществлению политических функций. Жребий, позволил простым гражданам занимать большинство магистратур, мест в совете и позиций судей. Собственно, такое положение дел и приближалось более всего к понятию “правление народа”. Однако афиняне, безусловно, не были политическими “простаками”, и, конечно, они не отрицали важности роли профессионалов. Поэтому на народном собрании при обсуждении вопросов, требующих специальных знаний, как, например, строительство сооружений, выступали

специалисты. Но по политическим вопросам выступать мог абсолютно любой гражданин (чему и удивляется Платон в “Протагоре”), и его мнение выслушивалось. Сегодня эта черта демократического устройства выглядит особенно актуально. В вопросе о “праве быть услышанным” основной проблемой сейчас выступает нежелание властей предоставить трибуну нелояльным компетентным лицам. Таким образом, в формировании знания и реализации власти участвуют *только* должностные лица и эксперты. Даже если нелояльному эксперту предоставляют трибуну, то само устройство от этого не перестает быть аристократией или правлением экспертов, а не народа. Отсутствие возможности напрямую участвовать во власти заставляет народ оказывать на нее давление другими способами (через петиции, демонстрации, различные акции протеста), но при этом эффект участия во власти простых граждан резко снижается. Выборы, как и профессионализм, становятся системным ограничением участия, помогают демократии вырождаться в олигархию что, в свою очередь, влияет на гражданскую ответственность населения и заставляет его целиком полагаться на принятые экспертами решения.

Жребий также больше отвечает и требованиям справедливости, так как стороны более склонны принять его результаты, чем результаты выборов. На выборах всегда может показаться (а зачастую это не кажется), что конкурент привлек больше ресурсов, чем положено, или использовал недопустимые приемы во время предвыборной гонки. Поэтому проигравшие редко бывают довольны результатами выборов, чаще принимая их как несправедливые. Более того, проигрыш на выборах может восприниматься как личный проигрыш; у граждан при этом также может сформироваться впечатление о конкретном кандидате как о проигравшем выборы. Результаты жеребьевки не будут восприниматься согласно той же схеме, так как это не результаты индивидуального соревнования граждан и сравнения их качеств и умений. Как замечал Монтескье, жеребьевка не покрывает позором проигравшего и устраняет поводы для зависти. Жребий - это не результат чьей-либо оценки кандидата, и говорить о предвзятости в данном случае крайне сложно. Таким образом, передача функции избрания кандидата, в руки независимой и беспристрастной инстанции может считаться, и будет считаться более справедливым решением.

Поэтому истинные республиканцы приходят к справедливому выводу о том, что отличие представительных систем от устройства античных республик заключается не в ограниченном числе правящих, а в способе избрания тех, кто правит. Сегодня выборы являются основным механизмом избрания на должности, в то время как в республиках одним из главных способов был жребий. Обращение к процедуре жеребьевки показывает, что жребий как способ избрания на должности - это не античный реликт, а

инструмент, знакомый создателям современной представительной демократии. В том или ином виде жребий использовался и в Древнем Риме, и в итальянских городах-республиках, из которых последние пали во времена изобретения системы представительного правления.

И сегодня наблюдатели считают, что сознательное введение случайности обеспечивает большую справедливость при институциональной необходимости делать выбор. Жребий также снижает недовольство тех, кто в такой ситуации остается в положении “проигравшего”, так как в действительности игра не велась и никто не “проигрывал” в строгом смысле, потому что решение не принималось согласно воле какой-либо из сторон. Жребий позволяет избежать предвзятости и коррупции, а также предсказуемого хода событий (даже когда гражданам предоставляется право выбора). Конечно, жребий или случайность сами могут поддаваться вычислительным операциям по модели построения случайной выборки. Но здесь важно именно осознание того, что у всех групп населения, у всех заинтересованных сторон есть шанс поучаствовать в принятии решений, касающихся как их самих, так и сообщества в целом.

Нейтральность жребия и следующая из этого справедливость решения понимались и в итальянских городах-республиках Средневековья и раннего Нового времени. Например, одной из причин введения жребия во Флоренции при назначении магистратов было устранение конфликтов, возникавших между гражданами в процессе выборов. Флорентийская республиканская система XIV века в некотором смысле напоминала афинскую. Имена претендентов на должности магистратов (в том числе членов Синьории) помещались в мешочки, откуда они потом вытягивались случайным образом. Впрочем, для назначения магистратов использовалось две группы мешочков. Имена лиц, получивших право претендовать на самые высокие должности (членов синьории, совета старейшин или “добрых людей”, гонфалоньеров), помещались в отдельный мешочек. Помимо избрания методом жеребьевки, а не голосования, во Флоренции действовал и принцип ротации. Срок полномочий большинства магистратов ограничивался шестью месяцами, а членов синьории - двумя. В дополнение к этому существовали запреты на занятие должности одним лицом несколько раз подряд. Такие непродолжительные сроки пребывания на должности и ограничения на повторные занятия должностей предоставляли возможность большому количеству граждан участвовать в управлении. Отличие флорентийской системы от афинской состояло в том, что флорентийцы ввели процедуру проверки (squittinio), предшествующую внесению имени гражданина в списки получивших право занимать должности. Флорентийцы, видимо, также не хотели передавать бразды правления в руки недостойных граждан. Организация проверки менялась в разные республиканские периоды. В XIV веке номинацию граждан для

прохождения проверки контролировала аристократия. Однако членами органа, осуществляющего проверку, становились граждане, которых избрали выборщики, определенные, в свою очередь, по жребию. Интересно, что при возникновении сомнений по поводу использования жребия в конце XV века, когда флорентийцы попробовали ввести систему выборов на должности, нововведение было принято аристократами, так как оно обеспечивало занятие большинства должностей ее представителями. В тот момент народ и осознает преимущество жребия для защиты его интересов, и путём бурного возмущения и негодования отвергает и отменяет эту норму, не дав «политической элите» этого шанса.

Венецианская система отличалась тем, что в ней жребий использовался не для назначения магистратов, а для выбора лиц, номинирующих кандидатов в магистраты. Номинаторы предлагали несколько кандидатур на каждую должность магистрата. Сразу после выдвижения кандидатуры ставились на голосование в Великом совете. Само голосование в Великом совете было тайным. Такая процедура не давала кандидатам времени для проведения избирательной кампании. Более того, таким образом ограничивалась возможность кланов влиять на процесс выдвижения и организации сговора по поводу голосования по кандидатурам. Процедура отличалась в случае выдвижения и избрания кандидатов на самые главные должности - здесь основная роль принадлежала сенату. Жребий в венецианском административном устройстве снова выступает в качестве внешнего нейтрального механизма, позволяющего избежать присущих выборам интриг и конфликтов. К тому же возможность стать номинатором для большого числа граждан посредством жеребьевки, можно рассматривать как эгалитарную черту системы. Однако, как отмечал Джеймс Харрингтон, несмотря на введение жеребьевки большинство магистратур доставалось узкой группе лиц - венецианской знати. Сплоченность венецианской знати, склонность людей к выдвижению выдающихся лиц и система голосования способствовали поддержанию квази-аристократического устройства этой республики. В этом смысле важен контраст венецианского и флорентийского устройств, который подчеркивает более демократичный и эгалитарный характер жеребьевки при назначении на должности.

Новые псевдодемократии: выборы вместо жребия

Как следует из цитаты Монтескье, вынесенной в эпиграф настоящей статьи, эгалитарные свойства жребия и неэгалитарные свойства выборов (которые тем не

менее считались справедливым способом избрания для аристократических устройств) были хорошо известны в XVIII веке. Рассуждения об использовании жребия и голосования в различных республиках можно найти в работах как Монтескье, так и Руссо. И нет сомнений в том, что основателям представительной демократии были известны эти рассуждения. Однако, после французской и американской революций устроители демократического правления как будто полностью забыли о существовании такого эгалитарного механизма назначения на должности, как жеребьевка. Основатели представительных систем конца XVIII века сделали однозначный выбор в пользу выборов. Кроме того, принимались меры, чтобы к управлению пришли лишь лучшие и самые добродетельные граждане - "естественные аристократы". Где-то это достигалось введением различных цензов (в этом случае самым очевидным образом защищались интересы собственности в вопросах распределения власти), а где-то, как в Америке, в которой отказались от введения имущественного ценза на общих выборах, тот же эффект достигался за счет введения крупных избирательных округов. В Америке возобладала идея малых собраний, которые избирались от больших групп электората, что и соответствует принципу представительства сегодня. Однако там, где каждый мог голосовать и быть избранным, рядовой гражданин на практике не имел шансов на избрание. Чтобы электорат проголосовал за кандидата, ему надо было стать известным в большом избирательном округе и доказать свою способность умело управлять, а это требовало больших инвестиций. Крупные же землевладельцы, предприниматели и юристы заранее оказывались в более выигрышном положении. В результате первые парламенты и оказались парламентами юристов, избранных крестьянами. Основатели представительного правления и не скрывали, что строят систему, в которой только лучшие (то есть элита) смогут управлять государством. Таким образом, равенство, провозглашенное демократическими революциями, стало равенством в обладании правом голоса, но не равенством доступа к власти и участия в ней. По сути, в результате демократических революций у власти опять оказалась аристократия, и та псевдодемократия, которую мы имеем сегодня в Украине на самом деле смесь аристократии и олигархии. Правители в этой системе всегда будут сильно отличаться от управляемых и будут составлять определенного рода аристократию, хоть и не наследственную (хотя... в Верховной раде Украины рядом сидят зачастую отец и сын, или сыновья отцов сидят в местных советах, и это яркое доказательство смеси олигархии и аристократии).

С некоторыми оговорками можно сказать, что эти наблюдения применимы и к сегодняшнему дню. В современных демократиях практически нет места жребию как эгалитарному механизму избрания на должности. Более того, он практически не используется как способ, устраняющий интриги, конфликты и несправедливости при принятии решений. Но жребий в некоторых случаях используется как справедливый механизм принятия решений. Например, жеребьевка используется при выборе присяжных, при розыгрыше бесплатных билетов, мест, грин-карт в США и иногда для определения победителей среди кандидатов, набравших равное количество голосов (в

некоторых странах Скандинавии). Если для общества в отдельных случаях очевидна справедливость результатов жеребьевки, то почему бы не вспомнить о ее эгалитарной стороне в вопросе доступа к управлению обществом? Трудно представить себе непреодолимые возражения против введения жребия как механизма назначения на должности, кроме современного требования того, что народ должен сам выбирать для управления собой тех, кого посчитает достойными этой функции. Однако, как уже многократно было замечено, такое требование ведет к формированию даже в демократическом обществе узкого слоя лиц, которым и принадлежит большинство властных полномочий. И хотя электорат часто сам склонен переизбирать одних и тех же лиц, практика выборов все же допускает и возможность манипуляции общественным мнением, и возможность коррупции. Жеребьевка же (если не принимать в расчет техники воздействия на конкретные способы жеребьевки) в сочетании с принципом ротации становится преградой для подобного рода дефектов системы. Другим возражением, как мы упоминали выше, является риск некомпетентности назначенных по жребию должностных лиц. Но и его можно снизить, во-первых, посредством установления процедуры проверки, подобной той, что существовала во флорентийской системе. Во-вторых, сохранив выборными или назначаемыми экспертной комиссией (которую также можно назначать по жребию) некоторые особо важные должности. Еще одним дополнительным и немаловажным аргументом в пользу использования жеребьевки (особенно в момент всемирного финансового кризиса) является сокращение расходов (по сравнению с выборами), необходимых на ее проведение.